

Точка невозврата

Тимур

Максим

Артём

Иван

Милана

Женя
Черняк

Женя Черняк

Точка невозврата

«Литнет»

2026

Черняк Ж.

Точка невозврата / Ж. Черняк — «Литнет», 2026

Одной ночи хватило, чтобы стереть прежнюю Милану. Две недели нежных ухаживаний, робких поцелуев, и вот она в комнате своего парня после отбоя. Всё должно было стать первым шагом в отношениях. Но шаг обернулся падением. Падением в омут, где четверо парней перестали видеть в ней человека. Где границы растворились в темноте, а сдержанность — в животном азарте. Она думала, это станет её запретным триумфом. Она ошиблась. Где кончается жертва и начинается расчетливый мститель? Какой ценой покупается новое начало? И можно ли переступить черту, чтобы вернуть себе жизнь, если за этой чертой — чужие судьбы? Это не история о невинности. Это история о выживании. Одна ночь. Одно решение. Точка невозврата.

© Черняк Ж., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава первая: Ночь, когда всё изменилось	5
Глава вторая: Вкус запретного	8
Глава третья: Общая	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Глава первая: Ночь, когда всё изменилось

Ту самую ночь я помню в деталях. Помню запах мужского общежития, То была смесь дешёвого дезодоранта, пота и подгоревшей лапши. Помню ощущение собственного сердца, которое, казалось, вот-вот вырвется из груди. Помню, как мои ладони стали холодными и влажными, когда я поднималась по лестнице на третий этаж, в комнату 312.

Меня зовут Милана. И это история о том, как два часа перевернули всю мою жизнь.

С Тимуром мы встречались всего две недели. Для кого-то это мало, а мне уже казалось, что ждать дольше нет смысла. Нет, я не была невинна, у меня уже был один парень в конце первого курса. Но каждый новый партнёр — это как первый раз заново. Всё то же волнение, дрожь в коленках, навязчивая мысль: «А понравлюсь ли я ему? А понравится ли он мне?»

В моей комнате, кроме меня, жили ещё три подруги с курса. Девчонки отличные, но уединиться с парнем при них было абсолютно невозможно. Даже поцеловаться нормально не получалось, так как кто-нибудь да хихикнет или нарочно громко вздохнёт. Поэтому вариант был один — переночевать у него.

«У него лучше, чем у нас в коридоре среди бюстгальтеров и упаковок с чаем», — убеждала я себя, стуча в дверь.

Отбой в общежитии уже был, но жизнь, как всегда, только начиналась. Я вошла, стараясь выглядеть уверенно. Комната стандартная: четыре койки, четыре тумбочки, бардак умеренный, но терпимый. Ребята уже лежали в своих постелях: кто-то уткнулся в телефон, светящийся в темноте синим призрачным светом, кто-то делал вид, что спит, но по напряжённой спине было видно — слушает и ждёт представления.

— Всем привет, — пропищала я, чувствуя, как краснею. Голос предательски дрогнул.

— О, Милана! Заходи, — отозвался Тимур. Он сидел на своей кровати у окна, и я заметила, как он нервно провёл рукой по волосам.

Его соседи пробормотали что-то неразборчивое в ответ. Было ясно, что для них такое не впервой. Девушка на ночь — обычное дело в мужском общежитии. Эта мысль почему-то успокоила: я не была пионеркой, не нарушала никаких священных табу.

Мы с Тимуром посидели, поболтали о чём-то бессмысленном — о паре, о завтрашнем тесте, о противной столовской каше. Смеялись громче, чем нужно, от напряжения. Потом я сбросила кроссовки и, стараясь двигаться естественно, как будто делала это каждый день, улеглась на его узкую односпальную кровать. Она пахла им — чистым хлопком и чем-то ещё, неуловимо мужским.

— Спокойной ночи, братва! — с каким-то вызовом сказал Тимур и щёлкнул выключателем.

Комната погрузилась в темноту, нарушаемую только слабыми отсветами уличных фонарей из окна. Воцарилась тишина, натянутая и театральная. Все делали вид, что засыпают, но в тишине слышалось напряжение, ожидание.

Мы с Тимуром остались вдвоём в нашем маленьком мире, отгороженном скрипучими пружинами. Сначала мы просто лежали, обнявшись. Я чувствовала каждую мышцу его тела, напряжённую и готовую сорваться. Его сердце билось где-то рядом с моей щекой. Бешеный, частый барабанный бой.

Глаза постепенно привыкли к темноте. Я различала контур его лица, блеск глаз. Мы начали целоваться. Сначала робко, потом всё увереннее. Шептались, заглушая поцелуи смешками, которые тут же давили, боясь выдать себя. Он был нежен, но в его пальцах, блуждающих по моей спине, читалась неуверенность.

Он не торопился идти дальше, и это молчаливое ожидание стало меня нервировать. Или возбуждать? Решив, что хватит ждать, я взяла инициативу в свои руки. Моя ладонь скользнула

вниз, под резинку его спортивных штанов, нащупала горячую, твёрдую плоть. Он ахнул в мои губы и замер, будто боялся спугнуть момент. Я осторожно провела пальцами дальше, коснулась мошонки. Он не шевелился, и это молчаливое подчинение позабавило и вдохновило меня.

— Давай снимем это, — прошептала я и потянула штаны вниз.

Кровать громко, предательски скрипнула. В комнате кто-то покашлял. Мы застыли, потом рассмеялись, приглушённо, в подушку. Теперь он был полностью обнажён. Его руки наконец ожили, задвигались по мне, но движения были неумелыми, суетливыми. Он долго возился с застёжкой моего лифчика, и в конце концов я сама с лёгким щелчком расстегнула её.

— Вот так, — шепнула я ему на ухо.

Его пальцы коснулись моей груди как-то трепетно, почти с благоговением. Чтобы придать ему уверенности, я снова поцеловала его, глубоко, с чувством, вложив в поцелуй всё своё умение. Сработало. Он осмелел, а его губы и язык отправились в путешествие по моему телу — шея, ключицы, грудь, живот. Он исследовал меня, как неизведанную территорию. Кровать под нами скрипела в такт его движениям, и этот звук сводил меня с ума, напоминая, что нас слушают.

Потом наступил самый ответственный момент. Он пытался войти в меня, но в темноте, в возбуждении, у него не получалось. Я сжала его член в руке и сама направила к себе. Он вошёл резко, с глухим, влажным звуком, от которого у меня перехватило дыхание. Я инстинктивно напряглась.

Он начал двигаться. Неумело, сбивчиво, то ускоряясь, то замирая, будто прислушиваясь к моей реакции. Я старалась подстроиться под его ритм, двигаться в такт. Его лицо нависало над моим в темноте, я видела смущённую концентрацию в его чертах. Меня это дико возбуждало. Я игриво кончиком языка коснулась кончика его носа. Он фыркнул и продолжил, его дыхание становилось всё тяжелее, пытаящим.

И вдруг я поняла. Его движения стали резче, ритмичнее, он терял контроль. Ужасная мысль пронзила меня: «Уже? Он уже сейчас?» Я была далека от финала, только-только начала разогреваться. Но Тимур явно был на грани. Он сделал несколько резких, глубоких толчков, потом так же резко вынул себя из меня и горячие струи брызнули мне на низ живота.

Всё. Тишина. Только наше тяжелое дыхание и все тот же проклятый, неумолчный скрип пружин.

Мне было пусто. И обидно. И как-то неловко за эту липкую лужу на себе.

— Ну как? — прошептал он, всё ещё запыхавшийся, и погладил меня по волосам. — Хорошо?

Что я могла ответить? «Нет, ужасно, ты даже не попытался»? Я не нашлась, что сказать. Вместо этого спросила то, что казалось логичным:

— Через сколько снова будешь готов?

Он удивился, отстранился на локте.

— Эм... Не знаю. Минут через пять-десять, наверное, — неуверенно ответил он.

«Минут через пять», — эхом отозвалось у меня в голове. Это прозвучало как приговор. Как констатация его неопытности и моего разочарования.

И вдруг из темноты, с соседней кровати, раздался низкий, спокойный голос. Голос Ивана, его соседа по комнате, тихого парня с хитрыми глазами, за которым я раньше почти не замечала.

— А я, если что, готов сейчас. Могу подменить, пока Тимур «восстанавливается».

Слова повисли в липкой, гулкой тишине. Я остолбенела. Возмущение подступило к горлу горячей волной. Какой наглец! Какая похабность!

Я ждала, что Тимур взорвётся, засмеёт его, скажет что-то вроде: «Иван, заткнись, дурак!»

Но вместо этого Тимур... рассмеялся. Коротко, смущённо.

— Ну, я не против, — сказал он, и в его голосе не было ни капли ревности или злости. Было какое-то... любопытство. — Если Милана не против, конечно.

Мир перевернулся. Я не могла дышать. Это был сон, кошмарный и нелепый. Я хотела вскочить, ударить его, закричать, уйти.

Иван не стал ждать. Его голос прозвучал снова, теперь твёрже, адресуясь напрямую мне: — Милана? Что скажешь?

Все в комнате замерли. Даже притворяться, что спят, перестали. Я чувствовала на себе три пары глаз, впивающихся в темноту, где лежали мы с Тимуром.

Не знаю, что на меня нашло. Обида? Желание отомстить Тимур за его бесцеремонность, за этот провальный секс, за эту фразу «не против»? Или какая-то тёмная, дремавшая во мне часть проснулась от шока и зашептала: «А почему бы и нет?»

Голос, который не был похож на мой собственный, тихо и чётко сказал:

— Согласна.

В следующее мгновение с кровати напротив легко спрыгнула тень. Иван пересёк комнату за два шага. Тимур как-то неловко, по-собачьи, скатился с кровати на пол, освобождая место. Они поменялись местами в полной тишине, будто это была запланированная смена караула.

И вот он, Иван, уже рядом. Я чувствовала тепло его тела, другое, более крупное и уверенное. Лицо Тимура исчезло в темноте где-то у моих ног.

Я лежала, ошеломлённая, готовая расплакаться или захохотать истерически. Не знаю, какое у меня было лицо в тот момент. Наверное, лицо человека, который только что шагнул с обрыва и в падении ещё не понимает, полетит ли он или обретёт крылья.

Иван не стал ничего спрашивать. Он просто наклонился ко мне, и его первый поцелуй был не вопросительным, как у Тимура, а утверждающим. Твёрдым. Знающим.

И в этот момент я поняла — назад пути не будет. Ночь, которая должна была стать просто ночью с парнем, только что началась по-настоящему. И я понятия не имела, чем она закончится.

Глава вторая: Вкус запретного

Страшно признаться, но в тот самый момент, когда его губы коснулись моих, я почувствовала, как внутри всё сжимается и тут же распускается жарким, влажным цветком. Такое со мной никогда раньше не происходило. Не от поцелуя, не от прикосновений. Это было что-то другое. Это был треск по швам всех правил, всех «можно» и «нельзя», которые я сама для себя выстроила. И меня влекло именно это — запретность, абсурдность, сюрреализм происходящего. Я попала внутрь своей же собственной постыдной фантазии, о которой даже боялась думать вслух.

Я откинула на пол мокрое полотенце, которое робко протянул Тимур. Теперь его следов на мне не было. Я была чиста. Готова. Готова принять ласки совершенно другого мужчины, пока мой парень сидел где-то в темноте у моих ног, и я слышала его прерывистое дыхание.

Иван не тратил времени на прелюдии. Его пальцы — уверенные, знающие — сразу нашли меня. Он не исследовал, не спрашивал разрешения. Он знал, куда идти, и шёл в бой. Один палец, потом два, скользнули внутрь, в то время как большой палец принялся выписывать точные, гипнотические круги на самом чувствительном месте. А его губы в это время гуляли по моей шее, кусали мочку уха, шептали что-то неразборчивое и хриплое прямо в кожу.

Я закрыла глаза. Внутри головы проносились картинки: Тимур, который смотрит на это. Его широко открытые, шокированные глаза в полутьме. Двое других соседей — Артём и Максим — они ведь тоже не спят. Они видят смутные силуэты, слышат каждый шорох, каждый стон. Они всматриваются в нашу кровать, и от этой мысли по спине пробежал противный, сладкий холодок. Мне это нравилось. Было странно, стыдно, но нравилось дико.

Он трогал меня без тени стеснения. Его ладони мяли мою грудь, большие пальцы проводили по соскам, заставляя их затвердеть до боли. Он облизывал мои щёки, скулы, уголки губ, как будто метил территорию, проверяя, насколько далеко я позволю зайти. А я молчала. Поддавалась. Раскинулась, как холст под рукой художника, и сама себе удивлялась. Так хорошо мне не было... никогда. В этом был какой-то порочный, освобождающий восторг.

И вот он вошёл. Сверху. Одним глубоким, уверенным движением. Я не смогла сдержать долгого, сдавленного стоны. Он был больше Тимура, шире, и эта первая волна почти боли моментально сменилась ощущением невероятной наполненности. Я закусила губу, чтобы не закричать. Он двигался резко, почти по-звериному, но в этом была своя правда, своя ясность. Никаких нежных поисков, только чистый, грубый инстинкт.

Потом он вдруг отстранился, перевернул меня на живот так легко, будто я была пёрышком. Я оказалась на четвереньках, лицом к спинке кровати, спиной к комнате. К тем трем парам глаз в темноте. Он снова вошёл сзади, и это было совсем другое ощущение — более глубокое, безжалостное. Я понимала, как должна выглядеть в этой позе в их глазах. Как шлюха. Как тварь, которая за пять минут забыла о своём парне. «Впрочем, так ему и надо, — зло подумала я, хватаясь за эту мысль как за оправдание. — Пусть теперь кусает локти, раз такой мямля».

Но мои мысли прервало новое ощущение. Настойчивое, чуждое давление в другом месте. Он пытался. Он хотел большего. Паника, холодная и ясная, на мгновение пронзила туман наслаждения.

— Нет, — хрипло выдохнула я, отодвигаясь. — В попу не дам. Нельзя.

Он не стал спорить, не стал уговаривать. Просто принял это как факт. Он снова перевернул меня на спину, и его взгляд в полутьме был спокоен и деловит, будто он изучал карту и просто наткнулся на закрытую территорию. Он облизал мою шею, медленно, со всех сторон, как кот, а потом двинулся выше. Его мокрый, горячий член скользнул по моему животу, груди, оказался прямо между моих грудей.

Я поняла. И, к собственному удивлению, не стала сопротивляться. Я сжала груди с двух сторон, поймав его между ними. Он был скользкий, упругий, живой. Иван тихонько, почти одобрительно хмыкнул и потрепал меня по щеке. Этот жест — снисходительный, покровительственный — взбесил и возбудил меня одновременно.

Я поймала его палец, всё ещё лежавший на моей щеке, губами. Затянула в рот, облизала, обошла каждый сустав с громким, влажным причмоком. Специально. Чтобы все услышали. Особенно Тимур. Пусть знает.

— Рот, — хрипло сказал Иван, убирая палец. Его глаза блестели в темноте. — Я хочу в твой рот.

В его тоне не было просьбы. Было требование. И это вернуло меня к реальности. Нет, не всю. Но частично.

— А я хочу в писечку, — парировала я, и мой голос прозвучал твёрже, чем я ожидала. — Это не обсуждается.

Наступила короткая пауза. И её нарушил голос с третьей койки. Максима. Спокойный, с ленивой усмешкой.

— Ну, тогда логично, братва. Пока Иван в одном месте, кто-то должен быть в другом. Чтобы писечка, как говорится, всегда при деле. Я готов присоединиться.

Это прозвучало так просто, так буднично, как предложение передать соль за столом. И это было настолько нагло, настолько сюрреалистично, что я сначала не поняла, а потом рассмеялась. Коротким, истеричным смешком, который тут же оборвался. Я ждала, что кто-то из них ляпнет что-то подобное? Наверное, в глубине души ждала. Но не такого прямого, циничного предложения.

— Ну, давай тогда, — тут же, без тени сомнения, сказал Иван. Его тон не оставлял пространства для дискуссии. Это был приговор. И план.

В одно мгновение он выскользнул из меня, потянулся вперёд, освобождая место у моих бёдер. Тени в комнате зашевелились. Максим прыгнул со своей кровати. Я видела его высокий силуэт, приближающийся в темноте. Сердце заколотилось где-то в горле, но это уже была не паника. Это была лихорадка.

Максим вошёл медленно, осторожно, будто давая мне привыкнуть. Он был другого размера, другой формы. Новое ощущение, новая волна. А потом он начал двигаться, глубоко, на всю длину, выверяя ритм, отличный от Иванова.

И в тот же миг я почувствовала, как мокрый, солоноватый член Ивана упёрся в мои губы. Без спроса. Просто надавил. Я инстинктивно отстранилась, вытирая рот тыльной стороной ладони. Солоноватый вкус его смазки и моих же собственных соков остался на губах.

Я посмотрела на него. Его лицо было близко. Он не улыбался. Он ждал. И я... я приняла решение. Медленно, глядя ему в глаза, я открыла рот и позволила ему войти.

Нет. Я сама взяла его в себя. Я обхватила его губами, провела языком по нежной головке, почувствовала, как он вздрогнул. И в этот момент Максим внутри меня сделал особенно глубокий толчок.

Мир сузился до двух точек невероятного напряжения — рта и низа живота. До двух разных ритмов, которые мой мозг отчаянно пытался сложить в одну безумную симфонию. Мне нравилось это. Нравилось ощущение полной захваченности, абсолютного использования. Я знала, что возбуждаю их всех — Ивана своим ртом, Максима своим телом, а Тимура и Артёма — самым зрелищем этого падения.

И это знание вселяло в меня странную, пьянящую радость триумфа. Я была в центре. Я была причиной этого безобразия. Я была той, кто ломал правила, и это давало силу, о которой я и не подозревала.

Но в уголке сознания, уже почти задавленном волнами плотского удовольствия, шевельнулся холодный вопрос: а что будет, когда эта ночь закончится? Что будет утром?

Пока что ответа не было. Было только сейчас. Тело, взятое в плотные тиски двух мужчин, и тёмная комната, полная свидетелей моего стремительного, необратимого падения.

Глава третья: Общая

Мир перестал быть набором картинок и звуков. Он стал чистой физиологией, вибрацией, жаром, волной, которая накатывала из глубины моего тела и раскалывала сознание на тысячи искрящихся осколков. Безумие. Наслаждение. Экстаз. Всё сплавилось в единую, плотную субстанцию, в которой я тонула и не хотела всплывать. Это было невыносимо. И прекрасно.

Я была на таком пределе, что даже не сразу поняла, как рядом с Иваном, у самого моего виска, появилась ещё одна тень, ещё одна тёплая, пульсирующая плоть. Чей-то ещё член лёг мне на щеку, настойчиво скользнул к уголку губ, прося впустить. Тимур? Артём? Мозг отказался анализировать. Это было неважно. Имя, личность, прошлое — всё это сгорело в костре ощущений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.